

Было невероятно тяжело: с самого утра он выслушивал юного императора, и до сих пор во рту не было ни крошки. Он был так голоден, что готов был живьём проглотить свинью!

Лу Чжэнмин: «...»

Хэ Сы без тени стыда спокойно, ложка за ложкой, уплетал кашу. Закончив, он с удовлетворением вытащил платок, неспешно вытер уголки рта, блаженно выдохнул и с отеческой добротой сказал ожидающему Лу Чжэнмину:

— Не волнуйся, в котле ещё есть.

Была — но он не получит! Ни одного честного слова, а ещё хочет его кашу? Пусть воздухом питается!

Лу Чжэнмин по-прежнему молчал. Он просто безмолвно смотрел на Хэ Сы — без упрёка, без разочарования. Спустя мгновение он откинулся на изголовье и слабо улыбнулся:

— Ничего, я тоже не голоден. Привык.

Он произнёс это так спокойно, что Хэ Сы, глядя на его истощённое тело, вдруг почувствовал странное чувство вины.

Лу Чжэнмин повернул голову и спокойно посмотрел на Хэ Сы:

— Наместник ведь уже понял, что я намеренно к вам приблизился?

Хэ Сы: «???»

Братец, ты так внезапно переходишь к сути — я же морально не готов!

Выражение лица Хэ Сы вдруг стало загадочным и непостижимым, хотя на деле он был в полной растерянности и недоумении. Опыта противостояния с Императорской гвардией у него было мало, и с такими рискованными, непредсказуемыми ходами противника он сталкивался редко. Пришлось сохранять на лице маску «Да-да, конечно, я с первого взгляда раскусил твои уловки». Однако, вглядываясь в исхудавшее лицо Лу Чжэнмина, он различал лишь красную родинку под левым глазом — и больше ничего.

Ах да, ещё он заметил, что, хоть тот и худой, черты лица у него правильные, даже можно сказать, красивые.

Стоп, о чём это он?!

Его молчание не удивило Лу Чжэнмина. Тот, прижимая рану, медленно, слово за словом, проговорил:

— Честно говоря, я приблизился к Наместнику не ради чего-то иного. Я желаю заслужить ваше расположение, чтобы получить повышение и прибавку к жалованью.

Хэ Сы, сжимая в руке турмалиновые чётки, застыл в оцепенении. Что он сказал???

Он не мог понять: то ли у него слух испортился, то ли этот гвардеец забыл принять снадобье. Сжав губы, он бессознательно прошёлся несколько раз взад-вперёд, наконец обрёл самообладание и произнёс:

— Не торопись, лекарство скоро принесут. Примешь, голова прояснится — тогда и поговорим.

«...» Лу Чжэнмин спокойно смотрел на Хэ Сы.

Хэ Сы почувствовал, что этот взгляд очень странный, сильно похожий на тот, что он видел той ночью в «Ихуньюане». Обычно такой горящий взгляд означал либо тайную влюблённость, либо желание прикончить. Учитывая их статусы, вероятным был лишь второй вариант.

Конечно, существовал и третий вариант — жгучая жажда славы, власти и богатства.

Он-то думал, Лу Чжэнмин покушается на его собачью жизнь, а оказалось — тот замышляет нечто иное и хочет соблазнить его?!

Хэ Сы подумал, что ситуация становится скверной. Что, если сейчас этот офицерик из Императорской гвардии начнёт раздеваться, демонстрируя мужественную красоту, и попытается его обольстить? Что делать? Это его первый случай взяточничества, да ещё в виде соращения — опыта маловато. Стоит ли решительно отвергнуть или немного подыграть? Если отказать слишком резко, можно ранить чувства собеседника, а это нехорошо...

Лу Чжэнмин, наблюдая, как выражение лица Хэ Сы становится всё более запутанным, слегка дрогнул уголком губ. Этот молодой Наместник Восточной палаты, похоже, отличался от того, кого он себе представлял...

Хэ Сы, кое-как упорядочив хаос в мыслях, сделал несколько беспорядочных кругов по комнате и наконец замер у кровати Лу Чжэнмина. Глядя на того свысока, он презрительно фыркнул:

— Думаешь, меня так просто провести? Во-первых, у тебя, гвардейца, путей для продвижения и обогащения — не счесть. Зачем же обращаться ко мне, в Восточную палату? Ты, наверное, понимаешь, какие нынче отношения между нашими ведомствами. Перейдёшь на мою сторону — и путь назад в Императорскую гвардию для тебя закрыт. Ты посмел сказать — а я посмею поверить? Во-вторых, — он слегка наклонился, прищурившись, пытаясь разглядеть исхудавшее лицо Лу Чжэнмина, — не говоря уж о прочем, лучше сначала объясни, как ты отыскал этот мой частный дом?

Этот дом приобрёл его приёмный отец, едва разбогатев. Место было глухое, и по сравнению с княжеским дворцом династии Мин, который старый глава Палаты продал перед отъездом из столицы, — просто небо и земля. Когда приёмный отец только вытащил Хэ Сы из груды трупов, тот какое-то время жил здесь. Тогда его «батюшка» был занят: то заигрывал с начальством, то сражался с Императорской гвардией — битвы кипели не на шутку. Возвращаться сюда, чтобы переночевать, ему было некогда, он едва не забыл о своём случайно подобранном приёмном сыне.

К счастью, Хэ Сы оказался крепким орешком: не сварись, не раздавишь, не разжуёшь. Без всякой опеки он сумел выжить, воруя кур да принимая occasionalную помощь от соседей. Для него тогда крыша над головой и чистое одеяло уже были величайшим счастьем.

А когда он снова увидел того, кто говорил с ним насмешливо-язвительным тоном, его уже притащил в новокупленный княжеский дворец один из Четырёх Великих Хранителей — Чжао Цзинчжун.

Эта частная усадьба так и оставалась заброшенной, пока Хэ Сы не вернулся сюда, ведомый указаниями истрёпанной книги.

Возможно, в душе Хэ Сы именно это место было его настоящим «домом». Ведь здесь он впервые за всё время скитаний, что помнил, обрёл покой и крепко уснул.

Кровь сочилась из-под руки, которой Лу Чжэнмин прижимал рану. Медленно разматывая бинты, он под спокойным взглядом Хэ Сы невозмутимо произнёс:

— Сначала отвечу на ваш первый вопрос. Думаю, Наместник, взглянув на моё нынешнее состояние, уже отчасти понял. Я провалил задание, нажил врага в лице заместителя командующего Юэ Чжуна — это и положило конец моей карьере в Императорской гвардии.

Хэ Сы слабо улыбнулся — улыбка вышла фальшивой. — Будь это концом, ты бы сейчас не лежал здесь, дыша и разговаривая со мной.

Несколько их стычек уже доказали, что этот молодой Наместник, хоть и с прекрасной внешностью, — не тот, кого легко провести.

Лу Чжэнмин вздохнул и чистосердечно признался:

— Казнивший меня — мой земляк, он смягчил удары. К тому же, я всего лишь мелкий офицерик, и господину Юэ нет нужды со мной мелочиться.

Верно, всего лишь офицерик. Наказание нужно было лишь для того, чтобы выпустить пар. Выпорол до кровавых лохмотьев — для виду достаточно, чтобы гнев Юэ Чжуна улёгся.

А жив он или мёртв — Юэ Чжуна, думается, не волновало.

Хэ Сы с неохотой принял это объяснение: вряд ли тот стал бы лгать ему в лицо такой ложью, что раскроется от одного тычка. Он слегка приподнял бровь, давая знак продолжать.

Лу Чжэнмин не стал сразу отвечать. Вместо этого он медленно размотал окровавленные бинты на груди, обнажая зияющие, рваные раны. Отрываясь, бинты уносили с собой клочья кожи. Он явно обладал высокой выносливостью к боли: лицо его побелело, пот струился градом, но он лишь стискивал зубы, подавляя стоны, и не издал ни звука.

Густой запах крови не вызвал у Хэ Сы никакой реакции, зато худое, костлявое тело, открывшееся после снятия бинтов, заставило его бровь чуть дрогнуть. Было видно, что изначально телосложение у того было неплохим: статное, кости правильные. Но сейчас он был слишком худ — одна грудь смотрелась, словно у голодного демона, выползшего из преисподней.

Хэ Сы опустил глаза и промолчал.

Этот офицерик оказался хитрым. Он уже раскусил, что Хэ Сы — добряк с мягким сердцем, правильными принципами, не идущий по стопам прежних Наместников Восточной палаты. Сначала применил тактику мужских чар, теперь — тактику страданий. Неужели он выглядит настолько глупым и легковёрным?

Признаться, тактика страданий всё же оказала некоторый эффект...

Например, сейчас Хэ Сы просто не мог решиться приказать Чжао Цзинчжуну вышвырнуть этого офицера, так усердно пытающегося примазаться к нему.

Хотя, когда Чжао Цзинчжун узнает, что этот офицерик метит в его Пятые Великие Хранители,

он, наверное, втихомолку сам выбросит его на съедение псам...

Ладно, ради мира и гармонии в рядах подчинённых пусть пока думают, что Лу Чжэнмин — его фаворит...

Лу Чжэнмин выбросил пропитанные кровью обрывки бинтов, потратил некоторое время, чтобы унять неровное дыхание, и лишь затем заговорил снова:

— Что касается того, как я нашёл это место... — Он повернул бледное лицо, встретился взглядом с Хэ Сы и улыбнулся. — Думаю, Наместник ещё не выяснил: в детстве я тоже жил в этом переулке. Можно сказать, мы были соседями.

Раз были соседями — могли и встречаться. Это объяснение звучало правдоподобно.

Хэ Сы заметил, что этот человек любил улыбаться. В первый раз он улыбнулся ему дерзко и откровенно, во второй — холодно и зловеще, а в этот раз в улыбке сквозила доля искренности, как при встрече со старым знакомым.

<http://bllate.org/book/16284/1466991>